

1918

«Красные», «белые», «розовые»
и «зеленые»

5 января 1918 г. в 4 часа пополудни старейший депутат Учредительного собрания эсер Шевцов попытался открыть заседание. Но словом самовольно завладел председатель ВЦИК советов Яков Свердлов, который потребовал во внеочередном порядке утвердить «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», провозгласившую Россию республикой Советов, и утвердить декреты второго Всероссийского съезда Советов о мире и о земле. Принятие декларации означало бы признание власти большевиков, проигравших выборы в ненавистную им «учредилку». Большинством голосов собрание отказалось обсуждать предложение Свердлова и приступило к работе в соответствии с заранее намеченной повесткой.

Дискуссия об основах земельного законодательства затянулась на всю ночь. В 5 часов утра на трибуну поднялся большевик Федор Раскольников, огласивший написанную Лениным декларацию, в которой говорилось, что Учредительное собрание встало «поперек дороги рабочему и крестьянскому движению» и потому большевики покидают его заседание. За большевиками потянулись левые эсеры.

Поднялся шум. На хорах матросы-большевики клацали затворами винтовок, грозили выступавшим расправой. Ораторов слушали плохо, но тем не менее работа собрания была продолжена. И тут в зале появился начальник караула Таврического дворца Александр Железняков. Прервав речь Виктора Чернова об отмене частной собственности на землю, Железняков потребовал, чтобы все присутствующие «покинули зал заседания, потому что караул устал».

Декрет о роспуске Учредительного собрания появился на другой день.

«... Учредительное собрание, которое должно было явиться венцом буржуазно-парламентарной республики, не могло не встать поперек пути Октябрьской революции и Советской власти. Октябрьская революция, дав власть Советам и че-

рез Советы трудящимся и эксплуатируемым классам, вызвала отчаянное сопротивление эксплуататоров и в подавлении этого сопротивления вполне обнаружила себя как начало социалистической революции.

Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества.

Всякий отказ от полноты власти Советов, от завоеванной народом Советской Республики в пользу буржуазного парламентаризма и Учредительного собрания был бы теперь шагом назад и крахом всей Октябрьской рабоче-крестьянской революции.

Открытое 5 января Учредительное собрание дало, в силу известных всем обстоятельств, большинство партии правых эсеров, партии Керенского, Авксентьева и Чернова. Естественно, эта партия отказалась принять к обсуждению совершенно точное, ясное, не допускавшее никаких кривотолков предложение верховного органа Советской власти, Центрального Исполнительного Комитета Советов, признать программу Советской власти, признать «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», признать Октябрьскую революцию и Советскую власть. Тем самым Учредительное собрание разорвало всякую связь между собой и Советской Республикой России. Уход с такого Учредительного собрания фракций большевиков и левых эсеров, которые составляют сейчас заведомо громадное большинство в Советах и пользуются доверием рабочих и большинства крестьян, был неизбежен.

А вне стен Учредительного собрания партии большинства Учредительного собрания, правые эсеры и меньшевики, ведут открытую борьбу против Советской власти, призывая в своих органах к свержению ее, объективно этим поддерживая сопротивление эксплуататоров переходу земли и фабрик в руки трудящихся.

Ясно, что оставшаяся часть Учредительного собрания может в силу этого играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контрреволюции за свержение власти Советов. Поэтому Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

Учредительное собрание распускается».

(Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 335—336.)

Силовой разгон «учредилки» означал, что большевики и их союзники не намерены искать компромисса с политическими конкурентами в словесных дебатах. Но и их противники из числа демократов и либералов проявили не больше готовности к компромиссу. Кадеты, например, выступили против требования созыва Учредительного собрания образца 1917 г. в качестве главного лозунга антибольшевистского движения; временная военная диктатура, которую эсеры окрестили «правым большевизмом», казалась им более соответствующей положению страны. Полномасштабная гражданская война стала неизбежной.

Между красными и белыми

Гражданская война и по прошествии почти 90 лет по-прежнему остается «горячей» темой. Даже вполне академическая дискуссия о ее хронологических рамках и этапах превращается в спор о том, «кто виноват». Рассказы об ужасах красного и белого террора служат аргументами в дебатах политических партий. Общественное мнение шарахается из одной крайности в другую: вместо большевистских «неуловимых мстителей» в герои выдвигаются рыцарственные белые офицеры. Эта метаморфоза объяснима: слишком долго побежденная сторона являлась предметом клеймения, а не изучения. Отсюда и новые мифы.

События на фронтах, военные операции и действия полководцев «расписаны» в учебниках и «нарисованы» в атласах. Однако появившиеся за последнее время научные работы и масса интереснейших публикаций по истории белого движения заставляют вновь задуматься над тем, почему все-таки победили красные и не было ли альтернатив братоубийственному конфликту. Важно также, какова была «це-

на» Гражданской войны — в смысле не только материальных и людских потерь, но и влияния на последующее развитие страны.

Белые правительства утверждались на периферии страны, и это имело свои основания. Именно там находились крупные морские порты, жила более свободное и более зажиточное крестьянство, на окраинах располагались казачьи войска с их военной организацией и выучкой и «инородческое» население с особым укладом и традициями, делавшими их невосприимчивыми к влиянию большевизма. Но одновременно все это являлось минусом, т. к. делало необходимыми «ответ» советскому решению «аграрного вопроса», гибкую политику в отношении национальных окраин, затрудняло согласованные военные действия. К тому же большая часть промышленности находилась в центре страны, куда сходились и основные коммуникации. Колчаковская Сибирь, к примеру, располагала лишь 10,5% всех российских фабрик.

Вопреки пропагандистским утверждениям большевиков о страшной «белогвардейской диктатуре», на деле у белых диктатуры в чистом виде — как военной, так и гражданской — не было. Деникину приходилось считаться с «Всевеликим войском Донским» и Кубанской радой; Колчаку — со своевольными атаманами; у обоих не было четко работающего аппарата власти на местах.

Красная бюрократическая элита, свободная от традиций царской управленческой системы, оказалась гибче своих соперников. Большевики, пришедшие к власти под лозунгом «вся власть Советам», столкнувшись с рутинными проблемами управления, быстро создали мощную «властную вертикаль», а посулив «инородцам» право на самоопределение, сумели реально сохранить великодержавие. В 1918—1920 гг. стала складываться система взаимоотношений большевистской партии и государства, которая сохранилась до последних лет советской власти. Руководящую роль в госаппарате играла партия. Высшее партийное руководство (Политбюро, Оргбюро, Центральный комитет) переводило партработников на другую должность или перемещало в другую губернию; проводниками политики партии были все высшие и центральные ведомства. Под непосредственным контролем ЦК РКП(б) работал Реввоенсовет, по партийным директивам действовали политотделы и военные комиссары в армии и партичейки в других учреждениях. Были ликвидированы небольшевистские профсоюзы, а оставшиеся становились с 1919 г. обязательными для рабочих и слу-

жащих. Летом 1919 г. Ленин уже говорил о «диктатуре партии как основе советского строя».

Другие партии вытеснялись из политики. 14 июня 1918 г. ВЦИК исключил из своего состава эсеров и меньшевиков. К концу года они были выведены из местных Советов, хотя сами партии не были запрещены, как и партия левых эсеров после странного «мятежа» в июле 1918 года. Эти и более мелкие партии (максималисты, революционные коммунисты, социал-демократы интернационалисты) теряли членов не только из-за репрессий, но и из-за разочарования масс в их деятельности, и по материальным причинам: единственным «работодателем» осталось государство.

Продразверстка оказалась более эффективной, чем репрессии, Продармии и усилия комбедов в деревне. Национализация промышленности (в 1918 г. — крупной, в 1920 г. — всей) вызвала к жизни систему из 50 главков, руководивших деятельностью 37 тыс. предприятий, централизованно распределявших сырье, топливо и выработанную продукцию. Жизненной корректировкой этих порядков был сохранявшийся «черный рынок», где обыватель мог обменять, например, свою пайковую морковь на мерзлую лошадиную ногу, а администрация предприятия — добыть недостающие детали для станков. Этот «военный коммунизм» позволил сохранить промышленность от окончательного развала, худо-бедно обеспечить снабжение армии и городского населения, т. е. около 40 млн человек.

Одновременно вырос громадный бюрократический аппарат из 4 млн совслужащих, среди которых были свои «низы» и пользовавшиеся привилегиями «верхи». Анкеты сотрудников центральных органов власти по переписи 1918 г. показали, что чиновники царских министерств, губернских учреждений, дореволюционных частных и общественных организаций составляли среди них более половины, а в хозяйственных ведомствах — от 70 до 100%. К старым бюрократам добавлялись «выдвиженцы» из рабочих, крестьян и красноармейцев с партбилетом и «начальственным» образованием.

Белые режимы оказались в экономической сфере не на высоте. Они не стремились «восстановить власть помещиков и капиталистов», как многие годы толковали советские учебники истории: предполагалось восстановить широкое местное самоуправление, сохранить профсоюзы, развивать приоритетные отрасли промышленности (с введением государственного контроля за производством в интересах

народного хозяйства), провести финансовые реформы. В Сибири белое правительство начало крупномасштабные проекты реконструкции Транссиба (с помощью «межсоюзнического железнодорожного комитета») и освоения Северного морского пути, что позволило бы объединить северный и восточный белые фронты. Однако, несмотря на поддержку промышленников и кооператоров, финансовая стабильность белыми правительствами не достигалась. Повышение налогов и сильнейшая инфляция свели на нет «приход» от разработки шахт Кузбасса и развития золотодобычи. Зависимость от импорта и ничтожный экспорт не помогали стабилизировать бюджеты. Денационализация фабрик и заводов и введение свободы торговли не остановили спад производства на Урале — во многом по причине бездеятельности и своекорыстия управителей заводов.

Возможно, правы те историки, которые считают, что белогвардейским лидерам для успеха достаточно было сосредоточить силы в одном регионе и превратить его в альтернативный «Совдепии» образец государственного и социального устройства. Но для этого надо было отказаться от имперских представлений о «единой и неделимой» России со столицами в Москве и Петрограде, что было для белых вождей неприемлемо. Перебеса сил, необходимого для наступления, не было. К февралю 1919 г. белые армии располагали на юге 92,5 тыс. штыков и сабель; на Восточном фронте — 140 тыс., на западе и севере — 116,5 тыс.; тылы белых фронтов насчитывали 188 тыс. чел., все вместе это составляло 537 тыс. чел. Красная же Армия насчитывала в своих рядах три миллиона бойцов.

Когда регент Финляндии генерал Карл Маннергейм в начале 1919г. предложил двинуть на Петроград 100-тысячную армию, требуя за это признания независимости страны, самоопределения Карелии и Олонецкой губернии, Колчак категорически от помощи отказался. Колчаковский министр внутренних дел В.Н. Пепеляев на просьбе бурят о самоуправлении наложил резолюцию: «Выпороть бы вас!»

Лозунг восстановления «единой и неделимой» России заставил в 1919 г. польское правительство отказаться от совместных действий с армией Деникина и даже пойти на контакты с большевиками. На Северном Кавказе против белых открыт был «второй фронт» (в Осетии, Ингушетии, Чечне, Дагестане) после приказа о мобилизации горцев в армию (ранее они были освобождены от воинской повинности), в

то время как большевики участвовали в работе мусульманского «Совета обороны» Дагестана и их отряды даже воевали под зеленым знаменем. В ноябре того же года Деникин приказал судить как изменников депутатов Кубанской краевой рады за стремление создать федеративное государство (что вызвало распад кубанских казачьих частей); не захотел он иметь дело и с главнокомандующим войсками «самостийной» Украины Симоном Петлюрой.

Белое движение раскололось по вопросу, признавать или нет законодательство Временного правительства: лидеры Добровольческой армии выступали за признание, а донской атаман П.Н. Краснов — против; он опирался на помощь германской армии, а его оппоненты — на поддержку Антанты. Колчак и Деникин поддерживали лозунг «непредрешения» будущего государственного строя до Учредительного собрания, а советники Деникина вели монархическую пропаганду. Происходили конфликты между Деникиным и Врангелем, между «добровольческими» и донскими генералами.

Белые так и не смогли объединиться и выдвинуть приемлемую для большинства населения программу. «В противобольшевистском стане все усилия Москвы, Киева, Ростова, Самары, всех политических и общественных организаций — правых и левых — по крайней мере в 1918 г. были направлены не на преодоление этих противоречий, а на поиски «вернейшей» ориентации и «наилучших» форм государственного строя. Ни того, ни другого мы не нашли», — признавал А.И. Деникин. Но такие поиски в белом стане были.

Деникин и особенно Врангель склонялись к «стольпинской» модели социально-политического реформаторства — например, по главному для подавляющего большинства населения вопросу о земле. В апреле 1919 г. правительство Юга России издало манифест о будущей реформе, проект которой предусматривал сначала возвращение всех захваченных земель и частичное их перераспределение... через три года после окончания военных действий. П.Н. Врангель в мае 1920 г. принял закон о земельной реформе. Отчуждению подлежала вся сдававшаяся в аренду земля; при этом не подлежали изъятию прежде выделенные хутора и отруба, церковные земли и «высококультурные хозяйства». Земля должна была распределяться между крестьянами в частную собственность и за выкуп, равный пятикратной стоимости среднего урожая с десятины, в течение 25 лет; прежние же владельцы должны были получить компенсацию от государства. Закон безнадеж-

но запоздал: он действовал на крошечной части *бывшей* империи, и крестьяне уже не верили в успех белых.

Другой вариант национальной консолидации, опирающийся на старомосковские традиции, был предпринят на Дальнем Востоке. Летом 1922 г. во Владивостоке был созван Земский собор, который должен был определить форму правления во всей «освобожденной от советской власти России». В его состав вошли епископы, представители старообрядческих и мусульманских общин, военное командование и делегаты от воинских частей, атаманы казачьих войск, все волостные старшины и станичные атаманы, деятели профсоюзов и члены «несоциалистических комитетов», т. е. представители всех слоев общества, за исключением левых партий. Впервые после марта 1917 г. дом Романовых был признан «царствующим». Идеология белого движения получала основу, на которой можно было бы приступить к построению «освященной исторической традицией» государственной системы. Законодательная власть осуществлялась Земской думой, исполнительная — Поместным Советом. Основой местного самоуправления должны были стать церковные приходы. Собор избрал правителем Приамурья генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса, армия которого во главе с «земскими воеводами» одержала ряд побед над советскими войсками. Но эти усилия на исходе Гражданской войны уже ничего не могли изменить — слишком неравны были силы и несопоставим военно-экономический потенциал. Немногочисленная «Земская рать» (8 тыс. бойцов) таяла в боях против превосходящих сил советской Дальневосточной республики, и в октябре 1922 г. Приморье было оставлено белыми войсками.

Некоторые историки склонны видеть причины утверждения «красного» и «белого» режимов к концу 1918 г. в кризисе как советской, так и «учредительской» форм демократии. В Советской России реальная власть на местах быстро сосредоточилась не в Советах, а в чрезвычайных органах — ревкомах или постоянно работавших исполкомах Советов, а их отделы (военный, ЧК, транспортный), в свою очередь, подчинялись прежде всего соответствующим центральным наркоматам.

Их противникам поначалу сопутствовал успех. В Самаре 8 июня 1918 г. было создано антибольшевистское демократическое правительство — Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). Оно провозгласило себя до созыва Учредительного собрания верховной «временной властью» на территории Самарской, Симбирской, Уфим-

ской, части Казанской и Саратовской губерний и претендовало на управление всей освобожденной от большевиков территорией. Это было неплохое начало для реализации «третьего пути».

Комуч отменил советские декреты о национализации предприятий и банков, разрешил свободу частной торговли. Одновременно он признал действующими все декреты советской власти об охране труда. И хотя эти мероприятия не выполнялись ни частными предпринимателями, ни государственными управляющими, предприниматели перестали оказывать Комучу финансовую поддержку.

Подтвердив решение об отмене частной собственности на землю и переходе земли во всенародное достояние, правительство в то же время предоставило бывшим землевладельцам право снять урожай озимых 1917 г. Владельцы имений могли на законном основании отнимать у крестьян хлеб под охраной военных, получивших приказ «не останавливаться ни перед какими мерами воздействия на виновных». На практике возвращение бывших помещиков в свои имения сопровождалось массовыми порками крестьян.

Юридически корректная, но неуклюжая «демократическая» политика изменила настроения крестьянства и роковым образом повлияла на попытку Комуча создать массовую «народную армию» из добровольцев. Крестьяне воевать не хотели. Принудительная мобилизация вместо ожидаемых 120 тыс. призывников из числа «трудовой демократии» дала едва 45 тыс. На съездах и сходах сельчане заявляли, что гражданской войны не хотят и солдат для борьбы с большевиками не дадут. Действия комучевской армии по охране посевов и насильственные наборы привели к тому, что «население, с нетерпением ожидавшее ее прихода, часто чуть ли не с первых дней горько разочаровалось в своих ожиданиях», как признавали сами «комучевцы». «Буржуазное общество» все больше ориентировалось на белую Сибирь с ее военными лидерами, поскольку воспринимало «учредивские» порядки «такой же "совдепщиной", как и по ту сторону Волги». В результате раскололась самая боеспособная часть армии — офицерство. Комуч претендовал на роль всероссийской власти. Однако другие областные правительства, прежде всего Сибирское, отказались признать его общенациональным центром, рассматривая его как партийную эсеровскую власть. Ставка Комуча на западную военную помощь дала возможность большевикам изобразить борьбу советской власти против него как защиту отечества от интервентов.

Началось разложение армии Комуча — дезертирство из ее рядов как крестьян, так и офицеров, что стало решающим фактором военных успехов советских войск в Поволжье. Правительство Комуча в конце концов вынуждено было бежать в Уфу и сдать полномочия эсеровски-кадетской Директории. Но и та вскоре пала в результате бескровного переворота, приведшего к власти адмирала Колчака. Принципы своих предшественников он оценивал однозначно: «Что такое демократия? Это развращенная народная масса, желающая власти. Власть не может принадлежать массам в силу закона глупости числа: каждый практический политический деятель, если он не шарлатан, знает, что решение двух людей всегда хуже одного; наконец, уже 20—30 человек не могут вынести никаких разумных решений, кроме глупости».

Трагедия российской демократии и ее символа — Учредительного собрания — состояла, во-первых, в том, что она попыталась преодолеть пучину гражданской смуты со старым багажом половинчатых решений и формальной законности; во-вторых — и это уже от нее не зависело — в том, что к середине 1918 г. в потоке революционного хаоса наметились две жесткие модели — «белая» и «красная». Почти одновременно и большевики (в августе 1918 г.), и Колчак (в ноябре) обещали обеспечить на контролируемой территории твердый порядок и законность. И наиболее активные силы общества, и испуганный обыватель выбирали порядок в виде привычной имперски-патерналистской системы.

Однако парадокс Гражданской войны состоял в том, что противостоявшие стороны не столько побеждали своих противников, сколько постоянно проигрывали на «внутреннем» фронте и тем самым обеспечивали успех противоположной стороне. Судьбы революции и России зависели от третьей силы, которая могла бы выступить решающей в споре «красных» и «белых».

Обыкновенный бунт

9 марта 1919 г. во время начала наступления войск Колчака особый отдел штаба советского Восточного фронта «экстренно» сообщил о вспыхнувшем восстании в прифронтовых Самарской и Симбирской губерниях: «Восстание охватило Сенгилеевский уезд, Мелекесский и

Ставропольский. Количество восставших около 200 000 человек». О том же докладывала Казанская губчека: «В Ставропольском районе восстание, руководимое белогвардейцами и кулаками, элементами, недовольными мобилизациями, сдачей хлеба и скота. Ставрополь в руках восставших. Повстанцы свергают Советы, убивают советских работников, вырезают семейства коммунистов». Так в освобожденном от власти Комуча Среднем Поволжье началось крестьянское движение, известное в истории Гражданской войны как «чапанная война» (чапан — крестьянский кафтан).

В советской прессе восстание изображалось как происки «белогвардейских заговорщиков», которым помогли «слуги белогвардейцев — правые эсеры», а вместе с ними «преступные авантюристы» — эсеры левые и, естественно, «кулацкая шайка» (только меньшевиков не упоминали, как напрочь в деревне отсутствовавших). Якобы под таким напором «часть крестьян, запутавшаяся в предательских сетях бессовестного обмана, сбитая с толку подлым преступлением провокаторов, примазавшихся к Советской власти, восстали против рабочих и бедноты».

Еще совсем недавно в учебниках по истории такие выступления именовались «антисоветскими кулацкими восстаниями». А вот поработавший в деревне после усмирения «чапанной войны» безвестный, но опытный большевистский «агитатор» Петров в не предназначенном для печати отчете рассказал о других причинах, уже не сваливая вину на белогвардейцев и эсеров. Вот как созревал и, наконец, «прорвался» мужицкий бунт.

В большое село Новодевичье у волжской пристани (там «не только кулацкая часть, но и беднота выросла и воспиталась в атмосфере буржуазных способов наживы») пришли продотрядовцы. На эти богатые хлебом районы легла основная тяжесть продрозверстки и других повинностей, а близость фронта потребовала от местной власти мобилизации людских и материальных ресурсов. Отряд явился после того, как уже потрудились чекисты: «...работавшая здесь чрезвычайка, во главе с убитым во время восстания председателем ее Казимировым, в высшей степени щедро употребляла избиение своих «клиентов» кулаками, прикладами, плетью, пиками и т. д.» Вновь прибывшие и уже обосновавшиеся «совработники» быстро нашли общий язык: «Находившийся здесь продотряд (Павлова) вел себя возмутительно: пьянствовал, совершал всяческие поборы (овец, молочные

продукты), "отчуждал" безвозмездно что понравится, по ночам шла стрельба вверх и т. д. В пьянстве не уступали и ответственные представители: комиссар Белов, председатель ЧК Казимиров, начальник отряда Павлов, комиссар Стафеев». После такой «подготовки» на селян обрушились чрезвычайный налог, опись хлебных запасов и «мобилизация» людей и скота.

«Агитатор» Петров назвал только нескольких исполнителей-«перегибщиков» — больше по чину было не положено. Телеграмма зав. политотделом Восточного фронта Г.И. Теодоровича и члена Реввоенсовета фронта С.И. Гусева Ленину более откровенна: «Безобразия, которые происходили в Симбирской губернии, превосходят всякую меру. При взимании чрезвычайного налога употреблялись пытки вроде обливания людей водой и замораживания. Губернские организации смотрели на это сквозь пальцы. При реквизиции скота отнимали и последних кур... председатель уездного комитета партии участвовал, будучи членом ЧК, в десятках избиений арестованных и дележе конфискованных вещей и прочее. Партийная организация была теплой компанией грабителей, разбойников, белогвардейцев». Вот только появилась телеграмма не до, а после восстания, и «белогвардейцами» в ней названы свои «разбойники».

Как и сто, и двести лет назад, мужик не сразу хватался за топор и вилы. Конфликт развивался поначалу в «легальной» форме. Волнения начались 3 марта со схода, созванного с ведома Белова сельским советом. На сходе обсудили, как изящно выразился «агитатор», «несколько случаев слишком решительной реквизиции т. Беловым хлеба и скота... в результате толпа пришла к убеждению, что необходимо дать отпор действиям продкомиссара в масштабе всей волости». Начинать бунт одним не хотелось — лучше всем вместе.

4 марта крестьяне приняли решение «командировать в г. Симбирск 4 делегатов... с ходатайством об увеличении продовольственной нормы на людей и скот». «Своему» начальству деревня уже не доверяла, но еще оставалась надежда на ходоков к высшей власти. Члены волостного исполкома в тот же день отбыли в соседнее село — от греха подальше, в надежде, что крестьяне изберут новый состав, которому они сдадут дела и заодно переложат на него ответственность перед уездными и губернскими властями.

Это был тревожный признак. Настроение крестьян стало меняться. Теперь ситуация зависела от того, кто сумел бы первым поднять

или, наоборот, успокоить толпу. Прибывшие «городские» опасности не замечали и попытались селян припугнуть. Кто-то из толпы выдвинул лозунги: «Да здравствует Советская власть, долой коммунистов-насильников!», «Долой коммунистов, комиссаров и евреев!» Другие мятежники захватили телеграф — все-таки шел уже XX век. Опыт усмирения крестьянских бунтов требовал решительных действий: зычного офицерского рыка, пальбы, немедленного ареста «зачинщиков», порки и публичного «прощения» покорившихся. Но большевики еще только учились...

Командир продотряда Павлов приказал «не употреблять оружия» — и тем продемонстрировал слабость. Крестьяне набросились на продотрядцев. «Когда началось отобрание оружия, надлежащего противодействия оказано не было; большое значение при этом имело местное происхождение красноармейцев». Павлов был убит; на следующий день было покончено и с чекистами. В соседние села отправились гонцы — поднимать народ, чтобы выступить «всем миром».

5 марта восстало село Русская Бектяшка, 7 марта — Усолье; восстание перекинулось на соседние волости. Как отмечали сами каратели, «все восстания начинаются по шаблону: появляется агитатор, сам влезает на колокольню и бьет в набат, затем приглашает собравшихся восстать против реквизиции скота, хлеба и сбора чрезвычайного налога. Каждое восстание начинается убийством председателя исполкома, членов совета и членов партии». 8 марта восставшие заняли уездный город Ставрополь; волнения перекинулись в волости соседней Симбирской губернии. Пришедшие из восставших сел зачитывали мужикам воззвания. Вместе с мятежниками приходили пугающие слухи: большевики восстали против коммунистов, коммунисты реквизируют кур и хотят поделить собственность крестьян.

«Граждане! В настоящее время мы являемся восставшими против коммунистов-насильников. Нам известно, что они насмехались над иконами и повыбрасывали их. Это была их первая вина. Затем они, коммунисты, производили разные бесчинства и насилия над женщинами. Женщины, вспомните вы, как по приезде их в село, прятались, убежали в чужие дома ночевать.

Я призываю вас, граждане и гражданки, исполнить долг, который мы задумали сделать. Наша надежда в деле восста-

ния не на оружие, а надежда на всевышнего Господа Бога, который нам помогает, и мы надеемся, что нам Господь Бог за нашу любовь друг к другу поможет. Не забывайте, граждане, что в единении сила. Нам оружие не страшно, страшна непреклонная воля народа...» (Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002. С. 105).

Документы самих повстанцев и карателей дают картину бунтовской стихии. Попавшим под горячую руку разозленных мужиков приходилось туго: в Усинском перебили целый отряд красноармейцев; в Усолье «агитатор тов. Смирницкая мятежниками ударом дубиной убита, после убийства ей размозжили череп, затем через горло вбили внутрь кол и повесили на столбе».

Толпа громила местные Советы со всей обстановкой, запасом дров и «денежными ящиками»; мстила — око за око. Повстанческий «комендант» Ставрополя Алексей Долинин «доводил до сведения» семейств красноармейцев и коммунистов: «...Все причиненные над вами насилия и поругания со стороны крестьянской армии донесите мне, не стесняясь ничего». Его приказы запрещали «бесцельную стрельбу по городу, а также самочинные, не имеющие на то особого удостоверения от коменданта города Долинина, аресты, расстрелы, самосуды, обыски» с неизбежными «хищениями всякого рода имущества».

Внезапность бунта и его стремительное распространение застали советскую власть врасплох. Повстанческий «комендант» получал известия: «с. Изюково, Пискалы, Еремкино в крестьянских руках. Новая и Старая Бииярадка накануне восстания. Мусорка восстала и Ташелка. Красноармейцы отступили на хутор, верст на 8 за Мусорку. Отряд красных — человек до 150. В Самаре в войсках волнение».

Но власти уже оправились от шока и действовали. Восставших надо было заклеить как врагов революции — для этого трупы 32 попавших в плен и зверски убитых красноармейцев были привезены в Сызрань и «выставлены в церкви бывшего женского монастыря для осмотра публики». Красные командиры утверждали, что во главе повстанцев стоят «генерал Бередичев и полковник граф Орлов», в природе не существовавшие. На важнейших направлениях концентрировались хорошо вооруженные карательные части с кавалерией, пулеметами и артиллерией.

В полевых боях крестьянские толпы терпели поражение. Успешной оказывалась партизанская тактика — бои в лесу, ложное отступление и внезапное нападение на противника из засады. «Хрящевка. 11 марта. Сегодня было у нас сражение, начавшееся в 12 часов дня и окончившееся в 7 часов. Противник имел пехоты 2 роты и отряд 50 человек, 1 орудие трехдюймовое со 112 снарядами, 1 эскадрон кавалерии и 3 пулемета. Бой завязывался очень горячий. Разведку встретили и открыли по ней огонь. Подошла их пехота, и мы бились с нею, не уступая ни шагу, часа четыре с половиной. Потом отступили в село и из разных мест засады при вхождении красных открыли по ним огонь. Они стужевались. Мы в этот момент бросились народными силами на "ура". Этим их устрашили. Они побежали в панике. В погоню пустили кавалерию с помощью пехоты, которая преследовала и колола красных. Потерь у нас в войсках не оказывается», — сообщали повстанческие «Известия Ставропольского исполкома».

О «сражении при Хрящевке» извещал и рапорт красных: «... Часть отряда двинулась на Хрящевку, а после артиллерийской подготовки заняла большую половину Хрящевки, но под давлением многочисленного противника, вооруженного винтовками и пулеметами, принуждена была отойти на исходный свой пункт в дер. Белый Яр, причем с нашей стороны раненых, убитых и пропавших без вести около 70 человек, в том числе большой процент командного состава. Нами оставлен противнику один пулемет, замок от которого унесен. Противник понес громадные потери убитыми и ранеными. Нашей артиллерией сожжено много домов в Хрящевке. Наши войска и командный состав вызывают беззаветную отвагу... Со стороны противника убито и ранено 200 человек». Кажется, о потерях толком не знала ни одна, ни другая сторона. В борьбе за родное село крестьяне проявили стойкость и не дрогнули даже перед артиллерийским обстрелом. Росло ожесточение: мужики отрезали у пленных уши, носы и губы, отрубали руки и пальцы; красные палили из пушек по селам и на месте расстреливали сопротивлявшихся.

Однако победа крестьян была редкостью. Стихийно вспыхнувшее восстание подняло несколько десятков тысяч человек в ближайшей округе — но дальше не пошло, несмотря на надежды участников, отраженные эпическим «штилем» в сообщении исполкома Усинского волостного совета Борминскому сельсовету: «Восстание разрастается вплоть до Симбирска и Самары, сформированы отряды и везде ком-

мунисты свергаются и бегут от восставших крестьян в панике. Мы сегодня вновь с подошедшими к нам отрядами намереваемся взять Сызрань».

Как прежде крестьянские и городские «миры» использовали казачьи «круги» и брошенные чиновниками канцелярии, так и теперь бунтовщики приспособливали для себя советские органы. «Мы объявляем, что советская власть остается на местах, советы не уничтожаются, но в советах должны быть выборные лица, известные народу», — призывали повстанцы, представляя свои действия законными: «Мы ни на шаг не отступаем от Конституции РСФСР и руководствуемся ею».

В Ставрополе был сформирован «Совдеп», создан «революционный штаб», издавались «Известия Ставропольского исполкома». Новая власть использовала знакомые властные приемы: «Лица, желающие выразить какие-либо жалобы, или же доносы, по долгу гражданина должны подписывать их: имя, отчество и фамилия, и звание». Правда, сам комендант просил граждан «не стесняясь возвратить хотя бы печати и штемпели», необходимые для работы учреждений. Как и в XVII веке, крестьяне истребляли «бумаги» и прочие канцелярские принадлежности — символы и орудия несправедливой власти. При отсутствии пригодных кандидатов арестованным членам волостного совета предлагали опять «заседать в новом исполкоме и исполнять то, что прикажет волновавшийся на площади народ»: «бери власть, сукин сын, коли дают».

Командиры «крестьянских армий» докладывали о боях на Пискалинском и других «фронтах». Но никаких крестьянских войск, якобы окруживших Сызрань, не было. Объявленная мобилизация «всех граждан от 18 до 50 лет» и «наряды» подвод для военных нужд решались каждой деревней по-своему. Связанные родством, общими интересами или общей бедой соседние села откликались на призывы повстанцев, но более дальние колебались — кому охота бунтовать из-за «чужих» проблем? Да и сами крестьяне не рвались за пределы «своего» района: одни селения отказывались от присоединения к восставшим; жители других, как с. Троицкого-Богородского, хотя и присоединились и даже двинулись на Сызрань, но повернули с полпути обратно; третьи, как указал «агитатор» Петров, «ограничились пассивным участием... поставляли по требованию восставших подводы, сено, хлеб, высылали людей в караулы к штабу в Новодевичье».

Мужицкие «армии» в 300—400 человек были бессильны перед пушками и пулеметами. У крестьян не было оружия, кроме отобранного у продотрядовцев и красноармейцев (по 5—10 винтовок на отряд). Остальные шли в бой как во времена Разина и Пугачева — с кольями, вилами и косами; в Новодевичьем провели «мобилизацию» кузнецов, чтобы обеспечить повстанцев пиками. Сказались и противоречия между селами: «10 марта в Кирилловке были повстанцы из Мусорки численностью около 400 человек, вооруженных 6 винтовками, вилами, кольями, и хотели заставить кирилловцев совместно наступать на Филишовку, но кирилловцы, за отсутствием оружия, присоединиться к ним отказались. Повстанцы ушли обратно в Мусорку, угрожая за отказ кирилловцам 11 марта пойти в наступление на них».

Крестьяне пытались договориться с властями, но переговоры «покрестьянски» — это не выработка компромисса на правовой основе, а стремление убедить власть в своей «правде», которую она не может не признать очевидной. На практике они превращались в диалог глухих. Советский деятель воспринимал происходящее как «контрреволюционное восстание» кулаков и собирался устранить «всякие причины» пушками от имени «трудящихся крестьянской массы» и для их же безопасности. А представитель этих масс не понимал, почему прибывший «для следствия виновников» начальник не желает с ним потолковать с открытой душой и не видит разницы между хорошими большевиками и плохими коммунистами.

Председатель волсовета Русской Бектяшки Михаил Поручиков по телеграфу взывал к секретарю Симбирского губкома РКП(б) Иосифу Варейкису: «Приветствуем партию большевиков и против них не идем, мы идем против насилия коммунистов. Вообще же контрреволюции нет, мы идем против неправильной реквизиции хлеба и скота... Мы желали бы, чтобы вы сами к нам приехали, дабы вы сами видели, кто восстал... Ведь, товарищ Варейкис, мы не саботажники, нам бы хотелось с вами самим поговорить; вы сами увидите, что мы правы и народ с удовольствием выслушает вас. Ответьте сейчас же, приедете к нам или нет».

Варейкис: «Пока что к вам не еду, потому что высланы соответствующие ораторы, то есть пушки. Второе, я, конечно, у вас буду, иначе бы не приезжал в Сенгилей. Третье,

вы не правы, что заставляете нас возиться с вами, причем, применять заставляете орудия. Контрреволюционный бунт, в котором, вы, Поручиков, тоже, по-видимому, являетесь участником, дает повод нам в корне на будущее время устранить всякие причины. Лично наша партия и губисполком, опирающиеся на трудящихся крестьянской массы, должна в этом случае в дальнейшем обезопасить их...»

Поручиков: «Напрасно посылаете пушки, потому что они нам не страшны, а вот если вы не хотите кровопролития и идете рука об руку с нами, крестьянами, то приезжайте сами, если вы действительно справедливы, понятно? Я кончил».

Варейкис: «Больше никаких переговоров я не веду, а из ваших речей понял, что необходимо действовать. Варейкис».

Поручиков: «Значит, не приедете? Плохо, а мы вас ждем, чтобы вы пролили нам свет. Приезжайте, товарищ Варейкис, и все уладится. Мы вам выскажем, что у нас на душе, и вы нас поймете» (Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002.

С. 128).

В итоге вопрос решался силой или угрозой ее применения: «Последнее предложение Новодевиченскому совету — немедленно сложить оружие; начинаю производить обход. Усольская, Печерская и другие волости идут за мной все как один. Волостной совет приговаривается к смертной казни. Красная армия с фронта движется на восставшую волость. Смерть врагам коммунизма. Да здравствует коммунизм и коммуна. За начальника войск, командир карательного отряда Самарского рабочего советского полка Г. Буйлов».

Действия четырех мобильных и хорошо вооруженных карательных отрядов, согласованно двигавшихся с разных сторон, в считанные дни сломили сопротивление мятежников. 11 марта были заняты Узюково, Васильевка и Кирилловна. 12-го — Мусорка, Ивановка, Старая и Новая Бинарадка и Чувашский Сускан. 13-го после боя захвачены Хрящевка и Ставрополь; сдались Новодевичье и Ягодное. В ночь на 14 марта после артиллерийской подготовки взята деревня Мордово. Утром крестьяне Бектяшки пробили «прекратить войну» и вышли с повинной. 15-го пала Ташелка.

«Чапанная война» закончилась. Общее число ее участников достигало нескольких десятков тысяч человек. По донесению командующего 4-й армией М.В. Фрунзе, «при подавлении движения убито, пока по неполным сведениям, не менее 1000 человек. Кроме этого, расстреляно свыше 600 главарей и кулаков. Село Усинское, в котором сначала был истреблен целиком отряд в 170 человек, сожжено совершенно». Потери советской стороны составили 200 человек убитыми; соотношение потерь противоборствующих сторон было, по всей видимости, таким же и при подавлении других крестьянских выступлений.

Как писали газеты, «в противоположность этим единичным, ничего не значащим выступлениям, в общем течении жизни наблюдается заметный прогресс в политическом просветлении трудового народа деревни». «Просветленные» селяне принимали резолюции о взыскании с себя чрезвычайного революционного налога и каялись: «Заслушав доклад т. Ковалева, мы поняли, что нас, простяков, одурачили кулаки, спекулянты, помещики, которые нашим трудом набивали себе карманы, и шлем проклятие всем негодьям, преступникам, буржуазии, угнетателям рабочих масс и будем стоять твердо за Советскую власть. Да здравствуют наши вожди рабочих и крестьян: товарищи Ленин и Троцкий и доблестная Рабоче-Крестьянская Красная Армия! Декреты мы будем проводить в жизнь, а также приветствуем хлебную монополию, которая только и может нас вывести из беды».

Такие «заявления» еще недавно приводились в трудах по истории Гражданской войны в качестве доказательств поворота «трудящихся» от белых к красным. Но наблюдательный «агитатор» Петров считал необходимым предупредить: крестьяне по-прежнему перебирают в Советы авторитетных «кулаков»; «идея свободной торговли для новодевиченских обывателей — святая аксиома и, как таковая, сможет их воздвигнуть на самое отчаянное сопротивление, может быть, еще одно восстание».

«Зеленый» путь

Некоторые исследователи крестьянского движения убеждены, что «зеленые» могли бы составить противовес и красным, и белым, стать «третьей силой» в Гражданской войне (надо отметить, что на советском языке той эпохи «зелеными» называли не всех восстав-

ших крестьян, а подавшихся в партизаны дезертиров). Появившиеся в последнее время, немислимые прежде фундаментальные публикации документов военных и чекистских архивов показывают действительно массовое сопротивление деревни «рабоче-крестьянской» власти.

Мечтавшие получить по 20 десятин и тройке лошадей крестьяне обнаружили, поделив по ленинскому декрету землю, что «черный передел» не решил их проблем. «Прирезки» к наделам не компенсировали повышения цен на промышленные товары, не возмещали утраты посторонних заработков и рынков сбыта. К тому же приходилось надеяться землей вернувшихся из голодных индустриальных центров односельчан. Ликвидация крупных товарных хозяйств и начавшиеся на хлебобродных окраинах военные действия привели к сокращению хлебных поставок в северные губернии и города.

На почве голода произошло более 120 выступлений. Начались разгромы Советов и самосуды над их членами в Вятской, Тверской, Рязанской, Смоленской, Псковской, Пензенской, Тульской, Тамбовской, Орловской, Курской, Казанской, Самарской губерниях. Весенние перевыборы показали сдвиг настроений вправо: крестьяне выдвигали крепких «хозяев». Гражданская война еще усилила нажим на деревню.

В мае 1918 г. вводится «продовольственная диктатура» — принудительная сдача зерна государству по твердым ценам. В июне начинается мобилизация в Красную армию пяти возрастов в Приволжском, Уральском и Западно-Сибирском военных округах; за первую половину 1919 г. были призваны еще 14 возрастов. В июле 1918 г. была введена военно-конская повинность: последовали пять мобилизаций лошадей. В августе Совнарком издал серию декретов: «О привлечении к заготовкам хлеба рабочих организаций», «Об организации уборочных и уборочно-реквизиционных отрядов», «Положение о заградительных реквизиционных продотрядах, действующих на железнодорожных и водных путях». В октябре объявляется о единовременном чрезвычайном налоге в 10 млрд руб. Местные органы, в свою очередь, увеличивали это обложение для собственных нужд.

Ответом было «тихое» сопротивление: мужики запутывали учет, дезертировали, убивали лошадей, прятали хлеб. В других случаях — особенно там, где новая власть не выплачивала деньги или применяла репрессии (аресты, распродажу имущества, избиения, купание в ледя-

ной проруби), деревня восставала. Именно крестьянское недовольство позволило относительно легко скинуть советскую власть в Сибири и Поволжье. По данным НКВД, только летом 1918 г. в 22 центральных губерниях произошли 73 восстания и 130 антисоветских выступлений; всего же в этом году было зарегистрировано более 400 крестьянских восстаний. Количество мелких конфликтов едва ли можно учесть. Только в одной Нижегородской губернии исследователи насчитали в том же году 128 «антисоветских выступлений». Даже в Московской губернии восстал весь Вере́йский уезд. В августе г. Ливны был окружен десятью тысячами крестьян, разобравшими железнодорожные пути. Гарнизон и отряд ЧК были разбиты, город разграблен, советские и партийные работники растерзаны.

*В сентябре 1918 г. в Ручьевской волости Псковской губернии регистрация мужчин сначала шла спокойно, но вдруг *28-го числа толпа крестьян деревни Воробьева, смущаемая несколькими горланами, среди которых выделялись Козырь, Федор Иванов и др., стала волноваться, раздавались речи и крики о том, что теперь пишут, а потом будут "брать", "накинули петлю, остается только натянуть" и т. п.; толпа ворвалась в помещение комиссариата, стала требовать объяснения, для чего идет регистрация, и предъявления списков, увидела бланки для регистрации лошадей и порешила: "будут отбирать скот", и наконец, потребовала военного комиссара, арестовала его, делопроизводителя и сторожа комиссариата. На следующий день состоялся "суд" над комиссаром. Разъяренная толпа требовала расстрела, виселицы или "по уши в землю закопать"; нескольким сознательным товарищам с трудом удалось уговорить и спасти жизнь арестованных. Когда стало известно, что движется карательный отряд, движение приобретает еще более безличный характер: люди из соседних деревень, из другой волости бежали и выгоняли всех — идти бить красноармейцев, а если кто не пойдет, то на обратном пути грозили убить, и крестьяне бросали свои полевые работы и шли, часто без оружия, навстречу отряду, многие, дойдя до ближайшего леса, прятались там, по суткам и более, чтоб только их не застали дома "на обратном пути". После отступления от-*

ряда крестьяне, по-видимому, не знают, что делать с оставшимся им орудием, ставят его в укромное место, снимают панораму и прицел, но для чего-то закладывают снаряд и следующему более сильному отряду уже не сопротивляются, и покорно отдают оружие» — так выглядело типичное "антисоветское выступление" в официальном документе той поры (Яров С. В. Крестьянин как политик: Крестьянство Северо-Запада России в 1918—1919гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999. С. 132-133).

Большевики сделали ставку на «разжигание Гражданской войны в деревне»: до конца 1918 г. созданы почти 140 тыс. комитетов бедноты. Входявшие в них солдаты и беднота должны были обеспечить учет зерна, его изъятие и распределение, в том числе и для себя. Комбеды наводили порядок: «Кулак Артемьев вел агитацию против Советской власти и Красной Армии. С нетерпением ожидал белых, по приходе которых обещал повесить на березе семью председателя комбеда. Артемьев предал земле». Бунтовщики наказывались контрибуциями, налагавшимися военными властями и чрезвычайными комиссиями на село или волость за «контрреволюционные деяния». «Контрреволюционеров» ожидали появившиеся в 1919 г. концентрационные лагеря; для профилактики среди тех, кто туда не попал, была создана сеть местных ЧК. Во всей же крестьянской России была введена продразверстка на хлеб, а затем еще на 20 видов продовольствия и сырья, дровяная и гужевая повинности (для перевозок военных, продовольственных и других государственных грузов в города, к железным дорогам и пристаням).

На такой нажим крестьянство ответило восстаниями, подобными «чапанной войне». На Украине атаман Григорьев возглавил 20-тысячное войско под лозунгом: «Власть Советам народа Украины без коммунистов!» Против белых и красных действовала «Революционно-повстанческая армия» батьки Махно в 30—35 тыс. человек. Махновцы не раз вступали в союз с Красной Армией для борьбы с войсками Деникина и Врангеля, но не желали подчиняться приказам советского командования. В Саранске поднял мятеж командир 12-й армии Филипп Миронов. В феврале-марте 1920 г. восстание «Черного Орла и земледельца» (так подписывались воззвания штаба повстанцев)

охватило территорию Казанской, Самарской и Уфимской губерний; армия крестьян достигала 35 тыс. человек. На его подавление были брошены до 10 тыс. штыков и сабель, артиллерия, бронепоезда.

1920 г., известный по учебникам как время решающих побед Красной Армии, стал началом крестьянских войн против большевистской власти на пространстве от Сибири до Украины. Наиболее известной из них стала тамбовская «антоновщина»: в 1921 г. две крестьянские армии численностью по 20—25 тыс. воевали против большевиков. В июле 1920 г. началось восстание в Нижнем Поволжье. Командир 9-й кавдивизии А.В. Сапожков объявил о создании из мобилизованных крестьян «Первой армии Правды». В воззваниях сапожковцы призывали «объединить все беднейшее рабоче-крестьянское население в одной идее, сломив слишком обуржуазившихся некоторых ответственных членов коммунистической партии под лозунгом "Вся власть Советам"». Весной-летом 1921 г. отряд Н. Махно совершил глубокие рейды по всей Украине и Южной России, пока не был разгромлен карательными войсками.

В Сибири крестьяне и воевавшие против Колчака красные партизаны после издания декрета «Об изъятии хлебных излишков...» поднялись против большевистских «освободителей». На просторах Сибири бушевала «роговщина», действовала «народно-повстанческая армия» в Степном Алтае, создавались Ока-Голуметский, Ангарский и Верхоленинский «фронты» в Иркутской губернии. Начались Вьюнско-Колыванский мятеж в Приобье, Бухтарминский мятеж, «Лубковщина» в Томской губернии, Зелеевское, Сережское и Голопуповское восстание (Енисейская губерния).

Западно-Сибирское восстание 1921 г. охватило Тюменскую губернию и соседние уезды Челябинской, Екатеринбургской и Омской губерний. Было убито около 5 тыс. партийных и советских работников. Из 60 тыс. повстанцев были сформированы несколько дивизий, входивших в четыре «фронта» во главе с главкомом — поручиком В.А. Родиным. Повстанцы провозгласили «Тобольскую Федерацию», захватили почти все большие города Сибири, заново создавали свои «Советы», издавали газету «Голос Народной армии». Здесь была объявлена полная свобода торговли, частного предпринимательства и собственности.

Даже Ленин признавал, что до 1921 г. «крестьянские восстания... представляли общее явление для России». Судя по количеству и разма-

ху движений, они как будто должны были победить — сбросить негодную власть и установить вольную федерацию крестьянских «республик», но все же потерпели поражение — по тем же причинам, по которым крестьяне проигрывали и в XVII, и в XVIII столетиях. Усиление гнета государства и его слуг — будь то барин-помещик или «продкомиссар» — неизбежно вызывали ответную реакцию, как только насилия выходили за грань терпимого, по крестьянским понятиям, зла. Тогда внезапно по малейшему поводу ожесточались даже самые забитые мужики, поджигали и в прах разносили барские усадьбы и советские конторы. А затем...

В XX веке, как и двумя столетиями раньше, крестьянская «правда» подразумевала возвращение к старым добрым временам, когда пахарь жил на свободной земле в рамках привычного общинного мироустройства, когда свои «новодевиченские» и чужие — «федоровские», «кирилловские» и прочие — были сами по себе со своими проблемами. При малейших разногласиях крестьянский «партикуляризм» и старые обиды тут же оживали. Порой даже соседние деревни не поддерживали друг друга, а «чужих» и подавно. Крестьяне остались равнодушными к призывам Филиппа Миронова, поскольку с ним шли не свои мужики, а казаки; жители Пензенской и Саратовской губерний не поддержали пришедшие на их территорию отряды тамбовских «антоновцев».

Крестьянская психология порождала иллюзии возможности уйти от борьбы, отсидеться дома, переждать. Поэтому крестьяне не пошли за правительством Комуча — как, впрочем, за любимым другим. «Мобилизованные белогвардейцами крестьяне целыми полками сдавались или переходили в ряды Красной Армии, — вспоминал начальник полтуправления РККА С.И. Гусев, — и, наоборот, из Красной Армии перебежали к белым также целые крестьянские части. Мотив при этом был один и тот же у обеих половинок перебежчиков: гражданский мир. Для предотвращения перехода на сторону противника белые вливали в ряды бойцов значительное количество офицеров (10—50%), а красные — не меньшее количество рабочих и коммунистов».

Казаки Стеньки Разина устраивали в захваченных городах и селах казачьи «круги». «Император» Емельян Пугачев имел при себе «Военную коллегию» и «производил» сподвижников в графы. Советские бунтовщики создавали «советы», «революционные штабы», «армии» и «да-

визии», их командиры издавали «приказы по советской республике восставших войск»: «Просим всех граждан присоединиться к нам от 40 лет до 60 лет бить коммунистов. Если кто не пойдет, то будет расстрелян. С 18 апреля по 1 мая чтоб были к назначенному числу все в рядах восставших войск, а то будет расстрелян».

Однако копирование официальных структур оказывалось поверхностным. Даже самые масштабные восстания, как Западно-Сибирское, не имели центрального органа власти. Не удалось создать армейских формирований из крестьян, хотя проводились насильственные мобилизации. Советские карательные отряды быстро рассеивали толпы мятежников, не говоря уже о том, что сами они покидали «полки» и «армии», как только начинались полевые работы.

Официально названные «антисоветскими», эти выступления чаще всего были реакцией не на политические институты и программы, а на людей, их представлявших. Большинство крестьян выступало против конкретных местных начальников, не претендуя на большее. «Когда разъясняешь, что обозначает Советская власть, то говорят, почему не дали собраться Учредительному собранию. Когда сделаем все доводы, то соглашаются, но более молодые, а старики говорят, худой был царь, да хлеб был, но тут приходилось вступать в долгие прения. А все-таки, говорят, хозяина нет», — рассказывали о своей работе с населением красные «агитаторы».

Для мужиков и царь, и Учредительное собрание стояли в одном ряду, как символы верховной власти; о функциях и задачах этого органа никто не знал. Надежды крестьян на то, что Учредительное собрание могло бы дать им лучшую жизнь, мало чем отличались от надежд на «доброе царя»; поэтому в сознании российских обывателей 1917—1918 гг. вполне мог уместиться лозунг: «Царь и Советы!».

Сотни приговоров волостных крестьянских сходов и резолюций Советов говорят о проблемах, на деле тревоживших крестьян: тяжкие поборы и налоги, мобилизации, конфискации лошадей, скота, телег, теплой одежды; вопросы же гражданских прав и представительной демократии селян не волновали. Воззвания повстанцев перечисляют, против чего они выступали; но будущее устройство они представляли себе весьма неясно: «дать народу спокойную жизнь», «полную власть передать самому народу», «только выборные от всего народа в этом собрании установят порядок».

«Урожай хлебов за 1918 год получился ничтожный, так как посев яровых вследствие холодной погоды происходил поздно; осенью застали заморозки. Ржи у меня было 184 снопа, ячменя 147 суслонов, выпало хлеба всего 40 пуд. Состоя на службе при Волисполкоме, осенью 1918 г. я был зачислен сочувствующим коммунистической партии и записался в число активных коммунистов, так как партийной программы мне было вовсе незнакомым, но за признание религии в декабре того года меня из партии исключили. Осенью 1918 года у меня конфисковали бесплатно хлеба 7 пуд.

Весной и летом 1919 г. я отпустил по учету 4 пуда в Волисполком, и сам я добровольно раздавал за ничтожную плату местным гражданам более 60 пуд. ... Урожай хлеба за 1919 год у меня получалось ржи 342 снопов, выпало 32 пуд., ячменя 82 суслона, выпало 47 пуд. 1(14) ноября в Усть-Кулом прибыли и заняли белогвардейцы, которые значительное количество коммунистов заарестовали и отправляли в Печорский край. 2(16) января 1920 года вечером белогвардейские начальники и милиция взяли меня под арест как сочувствующего коммунистической партии и советского служащего и сразу же отправили под конвоем на Печору. Многие коммунисты и арестованные в Печоре были расстреляны. 7(20) января мы прибыли в Троицко-Печорское, и заключили нас под арест с военным караулом. 15(28) января меня изпод ареста освободили. Домой прибыл 19 января. Во время нахождения под арестом в Троицка-Печорском я видел раз во сне образ св. Николая Чудотворца, сияющий необыкновенным светом, величиной лик бога в человеческий рост...

1 марта 1920 г. красноармейцы прорвали с боем Аныбский белогвардейский фронт, белогвардейцы были выбиты, и Усть-Кулом остался под советской властью. Я был вновь мобилизован на службу делопроизводителем Усть-Куломского волостного отдела записей актов гражданского состояния. Урожай хлебов в 1920 г. получился хороший. У меня было ржи 372 снопа, ячменя 140 суслонов. Выпало ржи 27 пуд., ячменя 67 пуд., всего 94 пуда. В конце 1920 года у меня конфисковали в счет поставки 4 пуд. хлеба и одну корову бесплатно, каковая конфискация чувствительно отразилась настроению моего семейства... >> — так эпически спокойно

описал всю историю Гражданской войны в далекой северной деревне крестьянин-книгописец Иван Степанович Рассыхаев: сначала урожай — затем «политика» (^Дневные записки усть-куломского крестьянина И. С. Рассыхаева (1902-1953). М., 1997. С. 38-39).

К переменам в политике крестьянин относился примерно так же, как к природным явлениям и стихийным бедствиям. Но власть, по его мнению, должна вести себя «по-божески». Ее «неправедное» поведение включало механизм перехода от смирения к бунту. Но бунт — это не сознательное неповиновение граждан; его цель — не изменение политического режима, а демонстрация (если не самому государю или Ленину, то хотя бы губернским начальникам) справедливости своих требований. Как только бунтари убеждались, что власть сильна, происходил обратный переход: достаточно было нескольких выстрелов в воздух, и крестьяне разбежались, сдавая оружие.

Отряды «зеленых», состоявшие из дезертиров белых и красных армий, часто становились ядром крестьянских выступлений против большевиков и белогвардейцев, но об организации собственной власти «третьей силы» вряд ли задумывались — большая их часть продолжала мыслить по-крестьянски. Пожалуй, только в последних восстаниях, таких, как «антоновщина», можно заметить попытку создать «альтернативные» и, главное, действенные властные структуры. Но было поздно — в это время бунтам, едва охватывавшим одну-две губернии, уже противостояла мощная машина централизованной диктатуры. В итоге крестьянское движение завершалось действиями батек-атаманов — Куреня-«Смерти Ангела», Карася, Маруси и прочих, проникнутых духом «казацкого романтизма» (как выражаются иные национальные историки), т. е. грабивших всех без разбора.

В стране не оказалось политической партии, способной возглавить разрозненную и стихийную борьбу крестьян; для этого нужно было не только время, но и массовая организация, печать. Эсеры (как правые, так и левые), программа которых была наиболее близка крестьянству, не имели ни единого руководящего центра, ни низовых ячеек, способных противостоять «пролетарской диктатуре». Они даже не смогли возглавить «Союзы трудового крестьянства» — массовые беспартийные крестьянские организации, возникшие в разных регионах России и принимавшие участие в крестьянских восстаниях.

Война дорого обошлась крестьянам: по современным, весьма приблизительным подсчетам, на 100 тыс. убитых комбедовцев и прочих советских служащих и явно не меньшее число погибших красноармейцев приходится 1 млн человек расстрелянных повстанцев и «зеленых»; умерло в тюрьмах, пало от красного террора и в результате уничтожения мирного населения в зоне восстаний примерно 5 млн человек, как раз наиболее активных и самостоятельных, кто мог стать опорой «третьего пути».

Для большевиков ценой победы стало отступление от форсированного строительства коммунизма к либерализации экономической политики; не случайно партийные публицисты называли НЭП «Брестским миром, заключенным с крестьянством». Появление этой альтернативы военному коммунизму и было главным результатом крестьянской войны. Но одновременное «упрощение» социальной структуры (с устранением дворянства, «буржуев», городских слоев, офицерства, казачества) и возрождение в ходе «черного передела» общинного традиционализма способствовали — в сочетании с «диктатурой пролетариата» — совсем другому пути.

Подробнее на эту тему:

Гражданская война в России: «круглый стол» //Отечественная история. 1993. № 3.

Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ. 1918—1922: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1.

Тълицын В.Л. «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства: 1917-1921 гг. М., 2002.